УДК 811.112.2’367/’37

© 2026 Ю. И. Петракова

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПРОФИЛЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье рассматривается проблема конструирования значения производной единицы как результата актуализации семантического потенциала производящей базы. Целью исследования является определение деривационно релевантных семантических признаков и установление принципов их организации в семантической структуре производящей базы. В работе применялись методы трансформационного, дефиниционного и контекстуального анализа. Основные результаты включают выявление системы словообразовательно релевантных признаков и характерной для них внутренней иерархии на материале наименований орудий труда немецкого языка. Полученные данные могут быть использованы для реконструкции семантической структуры лексических единиц, вероятностного определения мотивированности производных единиц (включая случаи многозначности типа Papierkorb), а также для прогнозирования семантики потенциальных дериватов на основе иерархии признаков, зафиксированных в деривационном профиле производящих единиц.

Ключевые слова: *словообразование, лексическое значение, производящая единица, производная единица, семантический потенциал, деривационный профиль.*

© 2026 J. I. Petrakova

LEXICAL UNITS DERIVATIONAL PROFILE (A CASE STUDY OF GERMAN NOUNS)

The article examines derived units’ meaning construction as a result of actualizing the semantic potential of the derivational base. The study aims to identify semantic features relevant to word formation and determine the principles of their organization within the semantic structure of the base unit. The research employs methods of transformational, definitional, and contextual analysis. The main results include establishing a system of derivationally relevant features and their characteristic internal hierarchy based on German tool names. The obtained data can be used for reconstructing the semantic structure of lexical units, probabilistic definition of derived units’ motivation (including cases of polysemy such as Papierkorb), as well as for predicting the semantics of potential derivatives based on the hierarchy of features submitted in the derivational profile of base units.

Key words: *word formation, lexical meaning, derivational base, derived unit, semantic potential, derivational profile.*

Проблема выбора информации, важной в определенный момент речемыслительной деятельности, уходит корнями в идеи конструктивизма и лежит в основе целой серии лингвистических исследований, посвященных механизмам фокусирования внимания, профилирования тех или иных элементов концептуальных структур, репрезентируемых языковыми знаками (см. работы Л. Тэлми, Р. Лангакера, Д. Спербера, Д. Уилсон, Р. Маклори, У. Крофта, Д. А. Круза, Е. С. Кубряковой, О. К. Ирисхановой и мн. др.). При

некоторых различиях в методологическом аппарате и уровне анализа – лексическом, синтаксическом или дискурсивном – данные исследования предполагают существование обширной когнитивной базы, из которой в процессе коммуникации извлекается релевантная информация. Ключевая для данного подхода дихотомия активированного и латентного знания находит одно из своих воплощений в работе У. Чейфа, который утверждает, что информация может находиться в фокусе сознания и быть активизированной, или «высвеченной», либо оставаться «содержимым памяти» и быть неактивной, «не высвеченной», но, тем не менее, присутствующей в уме и доступной для актуализации [Чейф, 1983: 37-38].

Такое подвижное равновесие востребованного и не востребованного в конкретной ситуации знания находит свое прямое отражение в динамической природе лексического значения. Способность человеческого сознания фокусироваться на разных аспектах концептуального содержания, ассоциируемого с языковым знаком, особенно отчетливо проявляется под влиянием контекстуальных факторов, которые могут приводить к смещению акцента с ядерных на периферийные компоненты значения, выводя последние на передний план и делая их коммуникативно значимыми [Langacker, 2008: 57-66; Pustejovsky, 2012; Будникова, 2015; Тур, 2015; Турчинская, 2015; Корбачева, 2019; Харитончик, 2023]. Не менее важным, однако гораздо реже используемым инструментом для проникновения в семантическую структуру слова является обращение к массиву его морфологических и семантических дериватов. Возможности данного подхода были продемонстрированы в работах З. А. Харитончик [Харитончик, 2015; Харитончик, 2019], М. В. Турчинской [Turchynskaya, 2016], Е. И. Будниковой [Будникова, 2023], где тщательный анализ отдельных лексических единиц русского, белорусского и английского языков послужил эффективной апробации необходимого методологического аппарата. Было показано, что каждый деривационный тип – аффиксация, словосложение, конверсия, метафорический и метонимический переносы и т. д. – может использовать в качестве когнитивной опоры определенный фрагмент знания о сущности, обозначаемой исходной единицей. Ключевым выводом приведенных исследований является многообразие деривационно релевантных семантических признаков исходной единицы – как формирующих ядро, или интенсионал, лексического значения, так и входящих в его периферийную часть, или импликационал. Данное наблюдение служит веским подтверждением тезиса о диффузности границ между языковым и энциклопедическим типами значений, признаваемого многими современными лингвистами [Jackendoff, 2002:

285-293; Evans&Green, 2006; Langacker, 2008: 50; Харитончик, 2015: 187-188].

Указанная теоретическая перспектива в сочетании с имеющимися эмпирическими данными выдвигает на первый план следующие фундаментальные вопросы: какие именно элементы концептуальной структуры, репрезентируемой языковым знаком, обеспечивают его способность выступать базой для порождения новых единиц и формируют тот самый концептуальный каркас, или субстрат, на котором строится производное слово? Каковы принципы организации данных элементов с точки зрения их деривационной релевантности в рамках семантической структуры отдельной лексемы и на уровне групп слов, объединенных общей лексико-семантической принадлежностью? Поиск ответов на эти вопросы и составляет центральную задачу предлагаемой работы.

Материалом исследования послужили наименования орудий труда в современном немецком языке. Учитывая высокую словообразовательную активность исследуемых лексических единиц (массив их морфологических и семантических дериватов составляет 1172 и 62 единицы соответственно), нами было принято решение ограничиться на данном этапе теми исходными наименованиями, которые демонстрируют наиболее высокую словообразовательную активность в рамках указанной семантической области. Применение методики выделения производящего ядра в лексическом классе позволило установить, что более трети всех словообразовательных производных приходится на шесть производящих единиц – *Hammer* ‘молоток’, *Messer* ‘нож’, *Säge* ‘пила’, *Schere* ‘ножницы’, *Schraube* ‘винт’, *Zange* ‘щипцы’. Именно данные ядерные единицы, обладающие максимальным деривационным потенциалом в рамках исследуемой лексико-семантической группы, составили основной материал для углубленного анализа. Для составления максимально полного массива морфологических дериватов, образованных на базе указанных наименований, нами были использованы как словообразовательный словарь немецкого языка под ред. Й. Шплетта [Splett, 2009], так и словари неологизмов под ред. У. Квастхоффа [Quasthoff, 2007], Д. Штеффенс и О. А. Никитиной [Steffens&Nikitina, 2016], а также словарь Берлинско-Бранденбургской академии „Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache“ [DWDS].

Прежде чем перейти к рассмотрению языкового материала, кратко остановимся на вопросе метаязыка семантического описания. Как явствует из обзора лингвистической литературы, проблема структурирования лексического значения решается исследователями с помощью разнообразных систем категоризации, каждая из которых предлагает свой уровень абстракции и детализации. Так, в рамках генеративной лексикологии Дж. Пустейовский выделяет четыре фундаментальных модуля значения:

формальный (перцептивные и пространственные признаки), телический (информация об использовании объекта), агентивный (происхождение и способ создания) и конститутивный (внутренняя структура, состав объекта) [Pustejovsky, 1995: 85-104]. Напротив, теория «Естественного Семантического Метаязыка» (Natural Semantic Metalanguage) (А. Вежбицка, К. Годдард и др.) исходит из идеи семантических примитивов – конечного набора элементарных, неопределяемых далее единиц (таких как ВЕЩЬ, ДЕЛАТЬ, ХОРОШИЙ, ХОТЕТЬ – всего 64 примитива), комбинация которых позволяет описать значение любой лексической единицы [Goddard, 2012; Goddard&Wierzbicka, 2014].

Несмотря на существующие различия, общим местом большинства классификаций является набор базовых линий, по которым структурируется значение имен одной предметной области. Это наблюдение приводит нас к ключевому методологическому вопросу: какой уровень детализации является оптимальным для описания именно словообразовательно релевантных семантических признаков?

Решение этой дилеммы определяется конкретными задачами нашего исследования. С одной стороны, излишняя детализация (вплоть до семантических примитивов) рискует сделать описание громоздким и атомистическим, затмив собственно деривационные закономерности. С другой стороны, чрезмерно высокая степень абстракции (например, ограничение лишь тремя-четырьмя модулями) может нивелировать специфику семантического потенциала лексем внутри одной группы.

В качестве рабочего компромисса мы предлагаем многоуровневую систему описания. Ее основу составят макрокатегории, интуитивно ясные и сопоставимые с модулями Дж. Пустейовского (перцептивный, телический, агентивный, пространственный и конститутивный признаки), которые обеспечат необходимый уровень обобщения для межклассовых сопоставлений на следующих этапах исследования. Внутри каждой макрокатегории предусмотрен набор более частных, но стандартизированных признаков (например, внутри макрокатегории «перцептивные признаки» – размер, форма, цвет, текстура и т. д.). Такой подход позволит, с одной стороны, сохранить обозримость таксономии, а с другой – добиться необходимой глубины анализа для выявления специфики словообразовательного потенциала лексем в рамках одной семантической области.

Совместное применение методов трансформационного, дефиниционного и контекстуального анализа позволило реконструировать деривационный профиль лексических единиц, который мы определяем как совокупность семантических

компонентов, востребованных в словообразовании, и выявить ряд закономерностей, описывающих реализацию их семантического потенциала. Приводимые данные о деривационном профиле, разумеется, следует в будущем дополнить сведениями о компонентах, актуализируемых в метафорических и метонимических переносах. Однако на данном этапе, принимая во внимание значительно меньшую продуктивность семантической деривации в современном немецком языке по сравнению с деривацией морфологической, сознательно ограничимся анализом последней.

Одной из выявленных фундаментальных закономерностей является качественное единство деривационных профилей лексических единиц в рамках исследуемого лексико-семантического поля. В роли словообразовательно релевантных когнитивных аттракторов выступают одни и те же компоненты лексического значения исходных единиц:

1) собственный телический признак, который содержит информацию о функции, предназначении орудия труда: *Grasschere* ‘садовые ножницы для травы’, *Kletterhammer* ‘альпинистский скальный молоток’, *Messerattacke* ‘ножевая атака’, *Rettungssäge* ‘пила для спасательных работ’, *Regulierschraube* ‘регулировочный винт’, *Schraubenverbindung* ‘винтовое соединение’, *Zuckerzange* ‘щипцы для сахара’;

2) конститутивный признак, характеризующий составные части денотата: *Hammergriff* ‘рукоятка молотка’, *Messerklinge* ‘лезвие ножа’, *Scherenblatt* ‘режущее полотно ножниц’, *Schraubenkopf* ‘шляпка винта’, *Sägezahn* ‘зубец пилы’, *Zangengriff* ‘ручка щипцов’;

3) перцептивный признак, охватывающий сведения о форме, звуке, тактильных характеристиках денотата (*Hammerhai* ‘акула-молот’, *Messerfisch* ‘рыба-нож, ножетелка’) и его типичной траектории движения (*Scherengitter* ‘раздвижная решетка-гармошка’, *Schraubenlinie* ‘винтовая линия’);

4) несобственный телический признак, который включает информацию о неуникальных функциях денотата [Тур, 2015: 14-15] и в нашем случае связан с практикой использования целого класса конкретных сущностей: так, в сложных словах *Messerbank* ‘подставка для ножа’, *Scherenfutteral* ‘футляр для ножниц’ исходные денотаты предстают уже не как инструменты, которые выполняют специальную функцию, а как физические объекты, которые можно хранить или носить с собой.

Следует также отметить, что в морфологической деривации возможны сочетания указанных признаков как между собой, так и с оценочным атрибутом. К первой группе относится, например, сложное слово *Bettschere* ‘распорка-фиксатор для кровати’, в основе которого лежит взаимодействие конститутивного и перцептивного признаков исходной

единицы *Schere* ‘ножницы’: актуализируется форма не целого объекта (ножниц), а лишь его части – разведенных режущих полотен. При этом телический признак (функция резания) полностью подавляется и замещается новой функцией – фиксации и упора матраса от падения с кровати. Аналогичная стратегия актуализации семантического потенциала наблюдается и для сложных слов *Autobahnschere* ‘дорожная развязка, напоминающая разведенные лезвия ножниц’, *Sägetang* ‘фукус зубчатый (по форме зубьев пилы)’ и др.

Примером сочетания перцептивного признака формы и телического признака с оценочным атрибутом является единица *Nervensäge* ‘неприятный человек, «пила»’. В основе метафоры лежит характерный звук, сопровождающий работу пилы, – его монотонность, резкость, скрежещущий и назойливый характер отрицательно оцениваются говорящим. Данный сенсорно-эмоциональный опыт, полученный в результате использования пилы, используется для номинации человека как источника акустического и психологического раздражения.

Таким образом, единый качественный состав деривационных профилей отражает общие принципы структурирования концептуального пространства, деривационно релевантного для семантической области «орудия труда». Это единство, на наш взгляд, является следствием когнитивной стратегии, описанной У. Чейфом: стремясь к эффективной «упаковке» информации, «люди постоянно выбирают наилучшие способы выражения того, о чем они думают» [Чейф, 1983: 38-40]. Постоянный выбор одних и тех же типов признаков – телического, перцептивного, конститутивного – позволяет предположить, что именно они отражают центральные линии структурирования человеческого опыта взаимодействия с орудиями труда. В первую очередь, это опыт их функционального назначения (для чего?), их внешних свойств (какой?) и их конструкции (из каких частей состоит?). На основании такого единства можно предположить, что деривационный профиль оказывается не просто лингвистическим конструктом, а слепком базовых когнитивных схем, формирующихся в предметно-практической деятельности.

Однако единство состава еще не предполагает равнозначности входящих в него элементов. На следующем уровне анализа закономерно встает вопрос о внутренней иерархии этих признаков и о том, как именно языковая система организует их использование. Анализ показывает, что ключевая особенность структуры деривационного профиля лексических единиц заключается в тенденции к доминантной актуализации. Это проявляется в том, что при всей разветвленности концептуальной матрицы порождение новых слов на базе одной и той же исходной единицы, как правило, сопровождается

преобладающим выбором одного семантического компонента, формирующего ядро профиля. Остальные признаки, также участвующие в деривации, составляют его периферию. В исследуемом материале таким ядерным компонентом наиболее часто выступает собственный телический признак, актуализируемый двумя основными путями в зависимости от конкретных словообразовательных моделей:

1) *Eishammer* ‘ледоруб’, *Kohlenzange* ‘щипцы для угля’, *Nähschere* ‘ножницы для шитья’, *Präpariermesser* ‘нож для препарирования’, *Steinsäge* ‘пила для разрезания камня’ – первый компонент в таких номинациях выполняет уточняющую функцию и конкретизирует функцию инструмента, обозначаемого вторым компонентом, называя либо само действие, для выполнения которого предназначен инструмент (например, шитье), либо объект, на который направлено действие (лед, камень и т. д.), тем самым метонимически указывая на функцию инструмента;

2) *Hammerschlag* ‘удар молотком’, *Messerangriff* ‘нападение с ножом’, *Scherenschnitt* ‘разрез ножницами’, *Zangenentbindung* ‘наложение акушерских щипцов’ – в данных примерах исходные наименования инструментов, выступая в роли первого компонента, актуализируют телический признак, сочетаясь с номинацией действия или результата.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что профилирование телического признака может осуществляться и путем указания на профессиональную принадлежность субъекта, использующего инструмент (*Elektrikerzange* ‘пассатижи электрика’, *Schneiderschere* ‘портновские ножницы’, *Zimmermannshammer* ‘плотничный молоток’), а также место или время применения инструмента (*Auktionshammer* ‘аукционный молоток’, *Fahrtenmesser* ‘походный нож’, *Gartenschere* ‘садовые ножницы’, *Küchenschere* ‘кухонные ножницы’, *Waldsäge* ‘лесная пила’). Наряду с множеством семантико-синтаксических отношений, реализуемых в словосложении, следует отметить единичные случаи конверсии, когнитивную опору для которой также составляет телический признак: *hämmern* ‘работать молотком’, *sägen* ‘пилить’.

Перечисленные примеры свидетельствуют о чрезвычайно высоком деривационном потенциале телического признака, что проявляется как на уровне количества производных, порождаемых при его актуализации, так и на уровне многообразия словообразовательных моделей. Телический признак является настолько существенным для семантики наименований орудий труда, что он способен активировать целый комплекс смежных знаний о профессиональной деятельности, типичных ситуациях применения и т. д. и выступает как ключевой концептуальный узел, который систематически определяет словообразовательное поведение лексем.

Несмотря на высокую значимость телического признака, он не является единственным компонентом, иллюстрирующим тенденцию к доминатной, или монофокальной, актуализации в рамках исследуемого класса лексики. Ярким подтверждением этому служит деривационный профиль лексемы *Schraube* ‘винт’. В отличие от других единиц, ее деривационный потенциал реализуется прежде всего не через функцию (соединение, крепление), а через визуально-кинетический перцептивный признак, а именно – характерную траекторию движения по спирали. Этот визуальный паттерн, мысленно реконструируемый коммуникантами, становится концептуальной основой для целого ряда производных, обозначающих объекты и явления, которые обладают сходной формой или движутся подобным образом: *Schraubenbakterie* ‘спирохета’ (бактерия, имеющая спиралевидную форму), *Schraubenfläche* ‘винтовая поверхность, геликоид’, *Schraubenfeder* ‘пружина’, *Schraubenlinie* ‘винтовая линия’, *schraubig* ‘винтообразный, спиралевидный’, *Schraubenziege* ‘винторогий козел’ и др.

Деривационный потенциал визуально-кинетического признака единицы *Schraube* не исчерпывается участием в номинации конкретных сущностей. Данный фрагмент значения также составляет основу для более глубоких концептуальных метафор, где конкретный физический образ служит для категоризации и обозначения абстрактных социально-экономических явлений. Исходный перцептивный признак (движение по спирали) ложится в основу метафоры «РЕГУЛИРОВАНИЕ / ПОВЫШЕНИЕ – ЭТО ЗАВИНЧИВАНИЕ». В качестве примера можно привести следующие сложные слова, в которых идея поступательного и необратимого увеличения передается с помощью визуально-кинетического признака: *Gebührenschraube* ‘постоянное и неуклонное увеличение денежных сборов’, *Preisschraube* ‘систематический и трудноконтролируемый рост цен’, *Steuerschraube* ‘политика последовательного ужесточения и повышения налогового бремени’. Можно также предположить, что, поскольку движение винта связано с созданием давления, подобные метафорические переносы задействуют и тактильный признак для передачи ощущения внешнего принуждения и усиливающейся нагрузки на плательщика.

Данный случай наглядно иллюстрирует, что ядром деривационного профиля может становиться и перцептивный признак, если он обладает достаточной когнитивной выделенностью, или салиентностью, для говорящих. Уникальная, легко визуализируемая траектория движения винта оказывается более релевантной для процессов категоризации и концептуализации, чем его утилитарное назначение, что и определяет специфику деривационного поведения производящей единицы.

Подобные примеры убедительно демонстрируют, что, несмотря на разную природу доминирующего признака, сам принцип селективной актуализации остается универсальным. Это позволяет представить деривационный профиль лексико-семантического поля как устойчивую матрицу потенциально релевантных признаков, где для каждой конкретной производящей единицы определяется уникальная иерархия их востребованности. Подобная иерархия напрямую соотносится с идеей Р. Лангакера о ранжировании доменов по степени их «центральности» (centrality ranking of domains), согласно которой лексема не просто предоставляет доступ к набору когнитивных областей, но делает это избирательно, с большей вероятностью активируя одни домены по сравнению с другими [Langacker, 2008: 48-50]. Чтобы визуализировать иерархию, лежащую в основе деривационного потенциала, ниже представлены профили исследуемых лексических единиц, которые отражают дифференциальную востребованность семантических признаков в словообразовании (см. табл.).

Таблица. *Деривационный профиль наименований орудий труда в немецком языке*

Актуализируемый признак	**Удельный вес признака в деривационном потенциале лексемы, %**					
	Messer	*Säge*	*Zange*	*Schraube*	*Hammer*	*Schere*
Собственный телический	72	57	74,3	36	69,2	53
Несобственный телический	3	–	–	–	–	3
Конститутивный	24	31,6	12,3	14,5	10	5
Форма	1	4	4,4	–	10,4	5
Форма + конститутивный	–	5,4	–	–	–	–
Звук + телический + оценка	–	2	–	–	–	–
Траектория движения	–	–	–	49,5	–	–
Траектория движения + конститутивный	–	–	9	–	–	34
Тактильный + оценка	–	–	–	–	10,4	–
Всего:	***100***	***100***	***100***	***100***	***100***	***100***

Полученные в ходе исследования данные о структуре деривационных профилей обладают не только теоретической, но и определенной прикладной ценностью. Составленные матрицы семантических признаков могут, во-первых, служить эмпирическим фундаментом для реконструкции «когнитивной карты слова» в понимании Е. С. Кубряковой, отражая возможные направления использования его семантического потенциала в деривационных процессах [Кубрякова, 2004: 376]. Во-вторых, представленные результаты помогают уточнить и дополнить «семантический шаблон» слова (semantic template) в рамках теории Естественного Семантического Метаязыка. Выявленные профили конкретизируют лексико-концептуальное ядро (lexical-conceptual core) единицы, демонстрируя, как абстрактные семантические примитивы

материализуются в словообразовательных моделях языка.

Наиболее же важным следствием является объяснительный и прогностический потенциал предложенной модели. Установив для самой активной части лексико-семантического поля устойчивую матрицу релевантных признаков и описав частотность их актуализации, мы получаем инструмент, который вскрывает системную мотивированность существующих номинаций. Так, концепция деривационного профиля позволяет объяснить, почему сложные слова типа *Eisensäge*, *Metallsäge*, *Eisenhammer*, *Holzschraube* обозначают не разновидности орудий труда по материалу изготовления, а конкретизируют их функцию – ‘для обработки железа / металла’, ‘для крепления древесины’. Эта кажущаяся аномалия является прямым следствием выделенности собственного телического признака в деривационных профилях указанных наименований. Полученная матрица может прояснить и хорошо известный в германистике пример *Papierkorb*, допускающий три прочтения: ‘корзинка для бумаг’, ‘корзинка из бумаги’, ‘корзинка с бумагой’ [Coseriu, 1977: 50-51; Кубрякова, 1981: 62-63]. Реконструкция деривационного профиля лексемы *Korb* позволила бы количественно оценить вероятность каждой из интерпретаций, исходя из общей иерархии востребованности семантических признаков в деривационном поведении производящей единицы. Вторая фундаментальная возможность применения модели заключается в прогнозировании семантики неологизмов и окказионализмов. Поскольку деривационный профиль производящей единицы отражает степень словообразовательной востребованности семантических признаков, он позволяет с определенной долей вероятности предсказать, какие именно элементы значения попадут в семантический фокус говорящего при образовании новых дериватов на базе известной лексемы. Таким образом, концепция деривационного профиля открывает путь к созданию исследовательского инструмента, который, обладая объяснительной силой в отношении существующих языковых данных, также может служить основой для построения прогностических моделей развития лексикона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будникова Е. И. Лексикографические и корпусные данные как источники сведений о структуре лексического значения (на материале английских зоонимов и фитонимов) // Вестник Смоленского государственного университета. 2015. Вып. 3(31). С. 219-230.

2. Будникова Е. И. Релевантность и салиентность компонентов значения слова в зеркале деривационных процессов: к методологии исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3 (871). С. 30-38.

3. Корбачева Т. В. Типы и семантика прилагательных-атрибутов наименований конституентов временных циклов // Семантика и прагматика языковых единиц. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2019. С. 120-131.

4. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. Москва: Наука, 1981. 200 с.

5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

6. Тур В. В. Латентные перцептивные признаки в семантике компаративных сочетаний N+N // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1, Филология. 2015. № 1 (74). С. 68-75.

7. Турчинская М. В. Прагматические характеристики наименований лиц женского пола в современном английском языке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 3. С. 76-81.

8. Харитончик З. А. Семантика и прагматика лексических единиц в зеркале деривационных процессов // В поисках сущности имен: избранное. Минск, 2015. С. 185-198.

9. Харитончик З. А. Салиентность и релевантность знания как фактор деривационной активности лексических единиц // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. Вып. XXXVI. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. С. 432-442.

10. Харитончик З. А. Семантика наименований времен года (на материале русского и английского языков) // Когнитивные исследования языка. Москва – Тамбов – Челябинск: Российская академия наук. Институт языкознания РАН, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Челябинский государственный университет, 2023. Вып. № 1 (52). Познание и язык: через видимость в сущность. С. 317-324.

11. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Радуга, 1983. Вып. XII: Прикладная лингвистика. С. 35-73.

12. Coseriu E. Inhaltliche Wortbildungslehre (am Beispiel des Typs “coupe-papier“) // Perspektiven der Wortbildungsforschung. Beiträge zum Wuppertaler Wortbildungskolloquium. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1977. S. 50-51.

13. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 856 p.

14. Goddard C. Semantic primes, semantic molecules, semantic templates: Key concepts in the NSM approach to lexical typology // Linguistics. 2012. Vol. 50 (3). P. 711-743.

15. Goddard C., Wierzbicka A. Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures. Oxford: Oxford University Press, 2014. 323 p.

16. Jackendoff R. Foundations of language. Brain. Meaning. Grammar. Evolution. New York: Oxford University Press, 2002. 477 p.

17. Langacker R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford University Press, 2008. 584 p.

18. Pustejovsky J. The generative lexicon. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 310 p.

19. Pustejovsky J. Co-compositionality in grammar // The Oxford Handbook of Compositionality / W. Hinzen (ed.) [et al.]. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 371-382.

20. Turchynskaya M. The lexical paradigm based on sex distinction and the semantics of its constituents in English and Belarusian // Gender, language and the periphery [Pragmatics & Beyond New Series, 264]. Ed.: J. Abbou, F. H. Baider. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2016. P. 195-224.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Доступ: https://www.dwds.de. (Дата обращения: 30.10.2025).

2. Quasthoff U. Deutsches Neologismenwörterbuch. Berlin: De Gruyter, 2007. 690 S.

3. Splett J. Deutsches Wortfamilienwörterbuch. Berlin: De Gruyter, 2009. Bd. 19. 594 S.

4. Steffens D., Nikitina O. A. Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch = Немецко-русский словарь неологизмов. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 2016. Bd. 2. 598 S.

REFERENCES

1. Budnikova, E. I. (2015). Leksikograficheskie i korpusnye dannye kak istochniki svedeniy o strukture leksicheskogo znacheniya (na materiale angliyskikh zoonimov i fitonimov) [Lexicographic and corpus data as sources of lexical meaning structure: a case study of English zoonyms and phytonyms]. In *Vestnik Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 3 (31). Pp. 219-230. (In Russ.)

2. Budnikova, E. I. (2023). Relevantnost i salientnost komponentov znacheniya slova v zerkale derivatsionnykh protsessov: k metodologii issledovaniya [Relevance and salience of word meaning components reflected in derivational processes: on research methodology]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* No 3(871). Pp. 30-38. (In Russ.)

3. Korbacheva, T. V. (2019). Tipy i semantika prilagatelnykh-atributov naimenovaniy konstituentov vremennykh tsiklov [Types and semantics of adjectival attributes of names of temporal cycle constituents]. In *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits*. Kaluga: KGU im. K. E. Tsiolkovskogo. Pp. 120-131. (In Russ.)

4. Kubryakova, E. S. (1981). *Tipy yazykovykh znacheniy: Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings. Semantics of a derived word]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

5. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znanii o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: In pursuit of linguistic understanding. Parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in world comprehension]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.)

6. Tur, V. V. (2015). Latentnye pertseptivnye priznaki v semantike komparativnykh sochetanii N+N [Latent perceptual features in the semantics of N+N comparative constructions]. In *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. 1, Filologiya*. No. 1 (74). Pp. 68-75. (In Russ.)

7. Turchinskaya, M. V. (2015). Pragmaticheskie kharakteristiki naimenovaniy lits zhenskogo pola v sovremennom angliyskom yazyke [Pragmatic characteristics of female personal designations in modern English]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No 3. Pp. 76-81. (In Russ.)

8. Kharitonchik, Z. A. (2015). Semantika i pragmatika leksicheskikh edinits v zerkale derivatsionnykh protsessov [Semantics and pragmatics of lexical units as reflected in derivational processes] In *V poiskakh suschnosti imen: izbrannoe*. Minsk. Pp. 185-198. (In Russ.)

9. Kharitonchik, Z. A. (2019). Salientnost i relevantnost znaniya kak faktor derivatsionnoy aktivnosti leksicheskikh edinits [Salience and relevance of knowledge as a factor in the derivational activity of lexical units]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Tambov: Izd. dom «Derzhavinskii». Iss. XXXVI. Ponimanie. Interpretatsiya. Kognitivnoe modelirovanie. Pp. 432-442. (In Russ.)

10. Kharitonchik, Z. A. (2023). Semantika naimenovaniy vremen goda (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Season names semantics (based on Russian and English)]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka.* Moskva – Tambov – Chelyabinsk: Rossiyskaya akademiya nauk. Institut yazykoznaniya RAN, Tambovskiy gosudarstvennyi universitet imeni G. R. Derzhavina, Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet. Iss. 1(52). Poznanie i yazyk: cherez vidimost v suschnost. Pp. 317-324. (In Russ.)

11. Chafe, W. L. (1983). Pamyat i verbalizatsiya proshlogo opyta [Memory and past

experience verbalization]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow: Raduga. Iss. XII: Prikladnaya lingvistika. Pp. 35-73.

12. Coseriu, E. (1977). Inhaltliche Wortbildungslehre (am Beispiel des Typs "coupe-papier"). In *Perspektiven der Wortbildungsforschung. Beiträge zum Wuppertaler Wortbildungskolloquium*. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann. S. 50-51.

13. Evans, V., Green, M. (2006). *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

14. Goddard, C. (2012). Semantic primes, semantic molecules, semantic templates: Key concepts in the NSM approach to lexical typology. In *Linguistics*. Vol. 50 (3). Pp. 711-743.

15. Goddard, C., Wierzbicka, A. (2014). *Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.

16. Jackendoff, R. (2002). *Foundations of language. Brain. Meaning. Grammar. Evolution*. New York: Oxford University Press.

17. Langacker, R. W. (2008). *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford University Press.

18. Pustejovsky, J. (1995). *The generative lexicon*. Cambridge, MA: MIT Press.

19. Pustejovsky, J. (2012). Co-compositionality in grammar. In W. Hinzen (ed.) [et al.] *The Oxford Handbook of Compositionality*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 371-382.

20. Turchynskaya, M. (2016). The lexical paradigm based on sex distinction and the semantics of its constituents in English and Belarusian. In J. Abbou, F. H. Baider (eds.) *Gender, language and the periphery* [Pragmatics & Beyond New Series, 264]. Philadelphia: J. Benjamins. Pp. 195-224.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. DWDS – *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: https://www.dwds.de. (Accessed: 30.10.2025).

2. Quasthoff, U. (2007). *Deutsches Neologismenwörterbuch*. Berlin: De Gruyter.

3. Splett, J. (2009). *Deutsches Wortfamilienwörterbuch*. Berlin: De Gruyter. Bd. 19.

4. Steffens, D., Nikitina, O. A. (2016). *Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch*. Mannheim: Institut für deutsche Sprache. Bd. 2.

Петракова Юлия Игоревна *– кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики немецкого языка, докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков» (Захарова, 21, г. Минск, Республика Беларусь, 220034)*
E-mail: juliapetrakova0887@gmail.com
ORCID: *0009-0006-6255-0974*
SPIN-код: 1572-3741.

Petrakova Julia I. *– Candidate of Philology, Associate Professor of German Theory and Speech Practice Department, Doctoral Candidate of Theoretical and Applied Linguistics Department, Educational Institution «Belarusian State University of Foreign Languages» (Zakharova, 21, Minsk, Republic of Belarus, 220034)*

E-mail: juliapetrakova0887@gmail.com
ORCID: *0009-0006-6255-0974*
SPIN-код: 1572-3741.

Поступила в редакцию 04 ноября 2025 г.